

Медиаполитическое взаимодействие в Италии и его изучение в России (реплика на книгу Н.В. Уриной «Журналистика и политика: итальянский опыт взаимодействия»)

Posted January 16th, 2014 by [Editor](#)

- [Бодрунова Светлана Сергеевна](#)
- [Выпуск №1. 2014г.](#)
- [Пую Анатолий Степанович](#)
- [Массмедиа зарубежных стран](#)

Russian Studies of Media Political Interaction in Italy (A reply to the book "Journalism and Politics: Italian Experience of Interaction" by Natalia Urina)

Пую Анатолий Степанович

доктор социологических наук, профессор, директор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, dekan@jf.pu.ru

Бодрунова Светлана Сергеевна

кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой медиадизайна и информационных технологий Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, visual@jf.pu.ru

Anatoly S. Puyu

PhD, Full Professor, Director of School of Journalism and Mass Communication, St. Petersburg State University, dekan@jf.pu.ru

Svetlana S. Bodrunova

PhD, Associate Professor, Head of the Chair of Media Design and Information Technologies, School of Journalism and Mass Communication, St. Petersburg State University, visual@jf.pu.ru

Аннотация

Авторы вступают в дискуссию с известной исследовательницей итальянской медиаполитики Н. В. Уриной по следам ее книги «Журналистика и политика: итальянский опыт взаимодействия». В статье особое внимание уделяется теоретическим аспектам анализа медиаполитического

взаимодействия. Выводы авторов также касаются собственно медиа-итальянистики в России и перспектив ее развития.

Ключевые слова: медиаполитология, медиакратия, журналистика и политика, СМИ Италии, сравнительный анализ медиасистем.

Abstract

The authors open floor to discussing the recent book by Natalia Urina "Journalism and Politics: Italian Experience of Interaction", moving further to suggesting ways of analyzing the conceptual background of studies into media political interaction. Other conclusions deal with the current state of Italian media studies in Russia and their prospects for development.

Key words: media political studies, mediacracy, journalism and politics, Italian media, comparative analysis of media systems.

Российская школа медиаполитологии, пока еще не оформившаяся как самостоятельное научное направление на международном уровне, тем не менее имеет хорошо подготовленную почву для такого становления. О том, какой могла бы быть эта школа, следует дискутировать как можно больше. Удачным поводом для таких дискуссий может быть, как в нашем случае, выход новых изданий, посвященных взаимодействию журналистики и политики.

В книге Наталии Валентиновны Уриной «Журналистика и политика: итальянский опыт взаимодействия» (М., 2010) подняты вопросы взаимодействия журналистской и политической систем, представляющиеся важнейшими не только для итальянской политической жизни, но и для большинства устойчивых демократий мира. Это вопросы участия журналистики в системе производства и распределения социальной власти, законодательного обеспечения медиаполитического взаимодействия, роли политических лидеров (в Италии – Дж. Мадзини, К.-Б. Кавура, Б. Муссолини, А. Грамши, Дж. Андреотти, С. Берлускони, У. Босси и др.) и их образов. Это история светской и церковной цензуры и католической доктрины социальной коммуникации, итальянского полицентризма и федерализма, политической культуры Италии и наличия нескольких «идеологических поясов», в том числе «красного пояса». Это роль экономических лидеров в развитии медиасистемы и взаимодействия медиа и политики, политизация и мифологизация общественного дискурса (в том числе в генералистских СМИ) и многое другое.

Книга Н.В. Уриной обладает целым рядом достоинств, высвечивающих одновременно высокую квалификацию автора и традицию, в русле которой создана работа. По историческому охвату книга представляется исчерпывающей, поскольку хронологические рамки исследования совпадают с периодом существования объединенной Италии. И на протяжении всего этого времени журналистика и политика рассматриваются в постоянном взаимодействии, так же как и отношение политиков к журналистике и журналистов к власти, и эти линии совершенно справедливо названы пересекающимися, поскольку, действительно, «от того, где и как они пересекаются, зависит многое в характере власти»¹. Образцовой представляется опора автора на

ведущие мировые теоретические работы в политологии, медиалогии, социологии коммуникации: это Р. Патнем, Дж. Сартори, Дж. Паскуино, Д. Хэллин и П. Манчини, Дж. Маццолени и другие авторы прежде всего итальянского происхождения. Следует отдельно отметить великолепное авторское владение источниковой базой. Использование прямых цитат из работ XIX века очень украсило текст книги, но еще более значима роль неидеологизированного взгляда на источники, которые, казалось бы, уже исследованы в советское время и сказать о них больше нечего. Их новое прочтение позволяет точнее расставить исторические акценты, выявить реальное соотношение сил в былых спорах, верно обрисовать историческую обстановку, переосмыслить наше отношение к коммунистическим и социалистическим деятелям и программам.

Однако наибольшим стимулом к обсуждению в научном сообществе должен стать даже не богатый эмпирический материал книги, а примененный автором комплексный метод анализа взаимодействия СМИ и политики, а точнее – те теоретико-методологические основания, которые лежат в основе авторского подхода. Этот подход придает книге уникальность и в то же время ставит вопросы о месте таких исследований в структуре новой для России области знания – медиаполитологии как зоне анализа медиаполитического взаимодействия.

На наш взгляд, в целом Н.В. Урина, как исследователь, остается в пределах двух научных парадигм. Первую можно назвать историко-феноменологической, и она дает автору методологический каркас в виде исторического анализа. Вторая – парадигма политической коммуникации, которая в трудах современных ученых связывает политическую сферу, медиасистему и аудиторию и предлагает серию методов, из которых автору ближе всего ситуационный анализ. Но ни одна из этих парадигм не обеспечивает автора конкретной методикой исследования, и Н.В. Урина применяет собственный подход, который можно назвать сценарным. Она совмещает четыре исторических сценария развития политики (от периода Рисорджименто до наших дней) и технологические скачки в развитии медиа. На пересечении этих двух линий создаются уникальные политико-коммуникативные ситуации², которые автор описывает как всеохватные рамки для взаимодействия журналистики и политики в конкретный исторический период.

Подобный подход на основе ситуационного метода уже использовался в российских работах для анализа ситуации в России³ и Великобритании⁴, однако ни разу этот метод не был распространен за пределы эпохи постмодернизма, не экстраполировался на такие большие исторические отрезки. Успех автора в описании сценариев медиаполитического развития доказывает, что ситуационный анализ может и должен быть расширен и применен к анализу других национальных медиаполитик; возможно, на национальном уровне анализа этот метод претендует на главенство в современной российской медиаполитологии.

Нужно отдельно отметить, что в случае Италии применение ситуационного и исторического анализа было практически неизбежным. И в России, и за рубежом «исследователи то и дело говорят об «итальянской аномалии», об «итальянском случае»» (С. 9), то есть сам объект исследования – национальная итальянская политика – диктует своеобразие содержания. Свообразие Италии как медиаполитического кейса состоит в следующем.

Во-первых, в течение всего периода существования объединенной Италии в ней каждые 20–40 лет коренным образом меняется политическая система. А значит, не сформирована сравнимая с другими «старыми» демократиями традиция политической стабильности, что проявляется в определенном шорт-термизме (расчете политической элиты на краткосрочность политической

ситуации), так знакомом не только итальянцам, но и современным жителям стран Центральной и Восточной Европы. Эта рамка для развития политико-медийных отношений во многом предопределяет негативизм (скепсис, недоверие, повышенный градус риторики), часто свойственный политической журналистике страны, и постоянно заставляет страну скатываться к отмеченному ведущими политологами⁵ особому типу поляризации политического спектра и общественного дискурса – (резко) поляризованному плюрализму (*pluralismo polarizzato / polarized pluralism*), начало осознания которого было положено еще в теоретическом труде Ф. Барбано по социологии политики и работе Дж. Галли о «несовершенной двухпартийности»⁶.

Во-вторых, под влиянием сложившихся законодательных, элитарных и экономических условий (комплекс медиазаконов, в том числе антимонопольных; клиентелистское переплетение политической, экономической и медийной элит в крупнейших центрах деловой активности – Риме и Милане; отсутствие трстового законодательства и работающих норм о конфликте интересов и др.), а также в силу исторических причин («политико-литературного» происхождения, наследия фашистской пропаганды в лице Реестра журналистов и Гильдии журналистов и др.) журналистика страны меньше отделена от политического процесса, чем в других странах. Вовлеченность журналистики в политику проявляется на всех уровнях журналистского сообщества и редакционной иерархии.

В-третьих, в силу этого и некоторых иных факторов политизация журналистики в Италии обгоняет медиатизацию политики и может нести ответственность за деформацию выполнения журналистикой основных функций в рамках либерально-демократической модели, в первую очередь самой базовой функции – информационной.

В-четвертых, сращение в последние десятилетия власти над СМИ и власти политической в лице Сильвио Берлускони – самый яркий из известных примеров медиакратии как типа политического режима, пример «сращивания политической власти со СМИ в самом прямом смысле слова, а именно – в лице одного человека» (С. 8). Во многом благодаря этому сращиванию «Италия получила политику, произрастающую на медийной почве» (С. 10). Выводы автора согласуются с позицией петербургской школы, которая на протяжении последних лет ведет изучение медиакратии как особого типа политического режима, основанного на сращении журналистики и политики в зоне интересов, процедур и практик⁷. Книга Н.В. Уриной, которая может рассматриваться в этом контексте как наиболее полный из существующих национальных кейсов, не только еще раз доказывает возможность прикладных исследований медиакратии, но и иллюстрирует пик медиакратического развития политической системы. Но, действительно, «приписывать все негативные моменты... только Берлускони по меньшей мере некорректно» (С. 71). Мы разделяем убежденность автора в том, что выход Берлускони «на политическую арену скорее логичен, чем аномален» (С. 9), хотя аргументация уникальности «итальянского случая» почти всегда строится именно на феномене берлусконизма. Нельзя и медиакратию понимать так буквально. Поэтому итальянский кейс должен быть сопоставлен с другими в контексте медиакратических исследований.

Особенностью авторской методики исследования представляется то, что в зависимости от разворачивающегося перед читателем исторического сценария меняется и авторская оптика. Если во фрагменте, посвященном периоду Рисорджименто и дофашистскому времени, мы видим традиционный подход, который заключается в воссоздании картины рождения и развития

политической журналистики в контексте национальной истории и цензурного режима, то по мере приближения к нашему времени в работе начинает доминировать новый принцип, поскольку охватить все разнообразие политико-медийных отношений просто невозможно; метод *case study*, органично вплетенный в общую исторически-ориентированную канву повествования, позволяет выделить в развитии медиаполитики в Италии узловые точки.

Эти узловые точки описаны автором в соответствии с политическим контекстом развития Италии. В середине 1990 гг. страна прошла тяжелейший рубеж смены Первой Итальянской республики на Вторую: прежняя политическая система рухнула под давлением одряхлевшей партократии, гнета коррупции, клиентелизма и сращенного с государством криминала, а также возросшей конкуренции итальянских товаров с товарами новых (китайского и восточноевропейского) рынков⁸. Вслед за этим сменилась партийная система, поменялась конфигурация распределения полномочий между ветвями власти, сложился новый общественный запрос на «чистоту рук». До 1993 г. итальянская печать существовала в рамках поляризации между полюсами христианской демократии и коммунизма в его итальянском варианте, а итальянское телевидение – в условиях *lottizzazione* (особой системы назначения политической пристрастности) и начавшего складываться «двоевластия» госкорпорации РАИ (*RAI – Radiotelevisione Italiana*) и корпорации «Медиасет» (*Mediaset*) Сильвио Берлускони. Переходный период принес вакуум по всему политическому спектру, а вслед за этим – волны политического популизма, включая правоцентристскую, сепаратистскую, коммунистически-обновленческую.

СМИ пострадали от перемен достаточно серьезно, хотя ожидалось, что медиасистема подвергнется либерализации и наконец избавится от пут биполяризма. Однако инерция *lottizzazione* на РАИ привела к чехарде политической пристрастности, партийная печать оказалась на грани вымирания и с тех пор то возрождается, то снова чахнет, «двоевластие» только нарастает, РАИ постоянно реформируется и вместе с этим подвергается все большей политизации в управлении, законы о СМИ были пересмотрены в пользу формирования «интегрированной системы коммуникаций» и снятия антимонопольных барьеров, а в предвыборные периоды наблюдается все то же «раздвоение Италии» и отталкивание полюсов, что и в период Первой республики⁹. Книга Н.В. Уриной сквозь призму медиасистемы позволяет взглянуть на более широкие общественные проблемы и поставить вопрос об эффективности итальянского демократического транзита в целом, поскольку наличие развитой и независимой медиасистемы признано ведущими теоретиками в качестве одного из фундаментальных условий развития демократии¹⁰, чего в Италии, увы, снова не наблюдается.

Книга Н.В. Уриной, возможно, лучшая в своем роде и, безусловно, рекомендуемая нами к прочтению всем, кто интересуется взаимодействием СМИ и политики, самим своим появлением, однако, ставит вопросы более общего характера, выходящие за пределы собственно текста книги. В порядке дискуссии мы сперва выскажем несколько соображений о дополнениях к тексту, которые могли придать книге дополнительные политические измерения. А затем обратимся к разговору о методе исследования: такой разговор, как уже сказано выше, кажется нам наиболее актуальным и нужным.

Читателям книги, вероятно, будет не хватать концептуализации роли политических партий в развитии политической системы и в Первой, и во Второй республике. В лучших книгах по итальянской политике, например в книге М. Булла и Дж. Ньюэлла «Итальянская политика»

(Bull M., Newel J. *Italian Politics: Adjustment Under Duress. Cambridge, 2005*), Италия до 1993 г. называется **партократией** (*partitocrazia*). Не утратила партийная политика своего значения и сегодня, но в период Первой республики партийность пронизывала абсолютно все сферы не только политической жизни, но и многих социальных и культурных областей итальянской жизни. И хотя автор уже в начале исследования подчеркивает, что «изучение их [партий. – А.П., С.Б.] истории, программ, форм и методов политической борьбы – необходимое условие для выявления роли журналистики в политической коммуникации» (С. 10) и что «эволюция печати, особенно ежедневных газет, неотделима от эволюции партий и политической борьбы» (С. 16), возможно, следовало бы уделить современной роли партий и партийной борьбы больше места. Тем более что партийная картина Италии последнего десятилетия не имеет аналогов в мире: с одной стороны, это огромное число движений и объединений, которые официально допущены к участию во всеобщих выборах, а с другой стороны – наличие двух четких полюсов, к которым «притягиваются» практически все эти партии и движения, что составляет саму суть поляризованного плюрализма. Впрочем, сама общественная дискуссия о правом/левом, правоцентристском/левоцентристском полюсах в Италии адекватно отражена в главе 4.

Незаслуженно мало рассмотрена в книге и проблема центра политического спектра Италии. Как отмечает автор, после перехода ко Второй республике «заговорили даже о наличии в итальянской политической культуре левого и правого центра» (С. 15); крупнейшие коалиции считаются право- и левоцентристскими. Наша реконструкция позиций партий по данным знаменитого оксфордского проекта *The Manifesto Project*¹¹ говорит о том, что в 1994 г., например, на выборах многие партии – даже из числа сегодняшних радикальных, например «Национальный альянс» (*Alleanza Nazionale*) и «Лига Севера» (*Lega Nord*) – по основной повестке придерживались правоцентристских позиций. Однако к середине 2000 гг. «Форца, Италия!» (*Forza, Italia!*) Сильвио Берлускони сумела «подтянуть» их под свою правую популистскую позицию, и сегодня позиции коалиций можно охарактеризовать как четко правую и левую¹². Такой результат партийной деятельности представляет интерес и в то же время несколько разочаровывает. Он интересен потому, что партийное поведение в Италии на рубеже веков демонстрирует тенденции, идущие вразрез с англо-американским «скатыванием в центризм» и «всеохватностью» (*catch-alltrend*) крупных партий и коалиций в других устойчивых демократиях под влиянием политического маркетинга. Итальянские коалиции, наоборот, расходятся в своем движении к краям политического спектра, почти к радикальным зонам. Это может говорить как о сохранении идеологической основы политической деятельности, так и о том, что фундаментальные социальные разломы (*basic cleavages*), характеризовавшие социум Первой республики, сохраняются и сегодня, и для аудитории актуален тот биполяризм, который присутствует в политике Италии. Это доказывается и позицией современной итальянской партийной прессы, по-прежнему разбитой на правые и левые издания и поддерживающей дискурс «раздвоения». В то же время центр итальянского политического спектра до ноября 2012 г. занимало броуновское движение небольших партий, неспособных объединиться в третий полюс, и именно этот фактор способствовал постоянному «скатыванию в биполяризм» и отсутствию такой необходимой альтернативы самому противостоянию правых и левых. Не случайно, что после отставки с поста премьер-министра Марио Монти возглавил блок центристских партий в предвыборной гонке, что лишний раз доказывает потенциал итальянского политического центризма и его «медиаемкость».

Хотелось бы также видеть в книге описание европейского контекста и европеизации Италии. Итальянский европеизм – известный и много раз описанный феномен, но его связь с медиа

страны почти нигде пока не была прослежена. Между тем, европейский контекст был умело использован Берлускони для принятия «закона Гаспарри» и создания Интегрированной системы коммуникаций на месте традиционных медийного, телекоммуникационного и книжного рынков. Европейское давление стало несомненным фактором давления в вопросе недавней отставки Берлускони, оно же может сыграть роль и в его новом триумфальном возвращении. Европоцентризм рядовых итальянцев и его отражение в медиаконтенте также нуждаются в описании и изучении.

Еще один вопрос – «проблема Юга» («*problema di Mezzogiorno*»), не в рамках экономико-культурного противостояния «Север – Юг» (точнее было бы сказать, «Север – Центр – Юг»), а как отдельная политика по вопросам развития южных регионов. Сегодня проблема Юга стоит не менее остро, чем во времена объединения Италии или в послевоенные десятилетия, в то время как пресса Юга, как показывает недавнее исследование К. Говорун¹³, не склонна обращаться за решением проблем к региональной элите, перекладывая и бремя решения споров, и вину за их нерешенность на центральные власти. В то же время известно, что не так давно Юг поддержал Север в сепаратистских устремлениях: на островах образовалось движение, сходное с падуанским, и даже объединилось с ним на некоторых выборных этапах. Взятые вместе, это свидетельствует о некотором отрыве политической повестки в изданиях Юга от интересов аудитории и явно требует дальнейшего обсуждения.

Можно только сожалеть о том, что в книгу не могли попасть два значимых эпизода из сегодняшней медиаполитической истории Италии. Это рождение «новой либеральной волны» журналистики в 2009–2011 гг. и отставка Берлускони в конце 2011 г. Если бы книга вышла сегодня, то, конечно, в текст обязательно вошел бы анализ «новой либеральной волны», поскольку направленность ее журналистской составляющей подтверждает некоторые выводы автора. Так, одной из основных претензий к режиму Берлускони со стороны леволиберальных критиков стало «исчезновение фактов» («*scomparsa dei fatti*», по Марко Травальо) – выстраивание информационной картины, в которой нет места западноевропейскому и атлантическому стандарту новости, где доминирует политизированная «старая» повестка, а любая критика режима забалтывается с известной итальянской горячностью. Парадоксально, но в Италии к выхолащиванию политического дискурса в СМИ привела именно ориентация на политические темы, а не выстраивание правительством «информационной стены», как в Англии или США, и не деполитизация аудитории, как во всех развитых демократиях. И именно политизацию журналистики автор видит причиной «деформации функций СМИ, прежде всего основной – информационной, поскольку [политизация. – А.П., С.Б.] лишает информацию полноты, достоверности и объективности» (С. 19). В последние же годы в Италии нарождается «новая журналистика», лидером которой является уже не «Република» (*Repubblica*), а проекты нескольких известных оппозиционных журналистов, в том числе Марко Травальо, Петера Гомеса, Микеле Санторо. Их газета «Ежедневный факт» (*Fatto Quotidiano*) (ее открытием Н.В. Урина заканчивает хронологию развития политической журналистики в Италии), программа «Нулевой год» (*Annozero*), новый видеосервис «Общественная служба» (*Servizio Pubblico*) – только часть того огромного потока новостных порталов и сообществ в блогосфере и социальных сетях, который ориентирован на западный стандарт журналистики и альтернативную повестку дня: проблемно-социальную, экологическую, правозащитную, гиперлокальную, международную и т.п. Это проекты *Informazione Libera*, *Altra Notizia* и десятки (если не сотни) других. Впрочем, их анализ должен, по-видимому, проводиться уже в рамках новой политико-коммуникативной ситуации, сложившейся после выборов 2008 г. и развивающейся сейчас, после ухода Берлускони

и Монти в отставку. Сама отставка Берлускони тоже не могла войти в книгу, однако анализ атмосферы, сопровождавшей ее, и ее причин мог бы стать венцом анализа политики и журналистики в берлускониевскую эпоху. Дело будущего – описать, какую роль в отставке сыграли Евросоюз, давление местной политической конфигурации, мировой экономической кризис и национальные леволиберальные СМИ, которые поторопились приписать себе уход Берлускони как заслугу.

Но ни одно исследование не может охватывать все детали развития медиаполитических отношений на протяжении 150 лет; другие читатели наверняка добавили бы к тексту и другие опции. *Принципиальный, сущностный вопрос для обсуждения – теоретико-й Италии в условиях «смены сценарного плана».* Аналитическая перспектива, пусть даже самая точная в реконструкции событий и связей между ними, оказывается гораздо более полезной тогда, когда сопровождается теоретизацией и выходом на возможное применение выводов для анализа сходных явлений в других странах, то есть методологические основания книги. С одной стороны, они позволили создать трехмерную, зримую картину развития медиаполитических отношений в Италии «изнутри» этих отношений, и это, вероятно, наиболее полная и взвешенная книга о зарубежных медиа и политике, изданная в России. Однако в то же время ограничения метода оказались таковы, что априори не позволили бы автору экстраполировать (пусть и несколько спекулятивно) результаты исследования на другие политии (страны, регионы, макрорегионы), и поэтому метод не дает ни сравнительных данных для анализа сходных явлений в других политиях (например, для анализа целой картины развития медиаполитики по некоторым элементам), ни прогностического инструмента для предсказания развития медиаполитики в само **на поиск и формулировку критериев сравнительного анализа медиаполитического взаимодействия.**

Общая парадигма, в рамках которой ведется разговор, сегодня, возможно, требует некоторой корректировки. Вина за это лежит, конечно, не на авторе замечательной книги, находящейся в орбите глубоко и подробно разработанной методологии, а именно – методологии политической коммуникации (работы М.С. Вершихина, Е.Ю. Мелешкиной, А.В. Соколова и др. (С. 24) и работы классиков и современных западных ученых). Но само обозначение этого подхода как «исследования политической коммуникации» может быть подвергнуто сомнению. Вся традиция политической коммуникации как области научного знания (а не практики!) подразумевает отношение к медиасистеме либо как к среде, в которой осуществляется коммуникация, либо как к системе каналов для передачи политических сообщений. Однако, если вдуматься, это ставит медиасистему, которая вообще-то претендует на то, чтобы называться отдельной социальной подсистемой¹⁴, в заведомо подчиненное и уязвимое положение, сокращая аналитический инструментарий и задавая узкие рамки интерпретации возможных интенций и действий журналистов. На наш взгляд, следует рассматривать медиасистему и систему политическую как две системы производства социально-релевантных смыслов, часто по одним и тем же информационным поводам. А значит, это конкурентные системы, взаимодействие между которыми следует рассматривать как межсистемное, а не как оное в цепочке «источник – канал – аудитория», где «источник» и «аудитория» выступают самостоятельными единицами с собственными интенциями и зонами практик, а «канал» выступает в инструментализованном виде. Мы бы предложили в будущем рассматривать взаимодействие журналистики и политики как **межсистемное взаимодействие** акторов, полностью самостоятельных в интенциях и практиках. Подчеркнем: именно это автор и делает, но сам опирается не на коммуникативно-

диалоговую, а на медиатическую модель Маццолени¹⁵, что не подтверждается текстом книги, где медиасистема выступает именно как системный актер, а не среда развития политики.

Возможно, именно в силу отсутствия меж/системно-ориентированной парадигмы изучения медиаполитического взаимодействия в современных медиаполитических исследованиях (*media&political studies*) и наблюдается сегодня в науке замеченная автором «фрагментарность в изучении... взаимодействия журналистики и политики» (С. 25) – не только в Италии, но по всему спектру «старых» демократий. И тем более важным в силу этого для работ, подобных книге Н.В. Уриной, представляется необходимость оговорить четкое методологическое русло, в рамках которого идет исследование. Избранный автором ситуационный/сценарный метод позволяет избежать описательности, той самой фрагментарности и придает анализу практики глубину. Но получается, что автор оперирует методологическим арсеналом на уровне широких мыслительных парадигм («русло политической коммуникации») и конкретного метода (ситуационный анализ, сценарный подход), но не оговаривает средний, дискурсивный методологический уровень. Причина этого, опять же, может крыться в отсутствии в России теорий среднего уровня и достаточно широких концепций в современной медиаполитологии в целом, направленных на выявление критериев для сравнительного анализа взаимодействия СМИ и политики как социальных подсистем, в то время как за рубежом изучение этого взаимодействия уже вышло на сравнительный уровень, и сегодня главным вопросом стало как раз отделение общих, универсальных критериев сравнительного анализа от параметров учета национального контекста, всякого рода «аномалий», в том числе таких, как итальянская¹⁶. Книги, подобные книге Н.В. Уриной, при всей их насыщенности национальным контекстом и даже выходе на национальную модель медиаполитической интеракции, еще раз подтверждают, что разработка концепций сравнительного анализа – первейшая задача современной медиаполитологии.

-
1. Урина Н.В. Журналистика и политика: итальянский опыт взаимодействия. М., 2010. С. 6. (Далее ссылки на издание в тексте статьи, в скобках сразу после цитируемого фрагмента указывается номер страницы.) (Urina N.V. Zhurnalistika i politika: ital'yanskiy opyt vzaimodeystviya. Moskva, 2010. S. 6. (Dalee ssylki na izdanie v tekste stat'i, v skobkakh srazu posle tsitiruemogo fragmenta ukazyvaetsya nomer stranitsy.))
 2. Бодрунова С.С. Рамочная коммуникативная ситуация: концепт и практика / Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы 15-й международной конференции молодых ученых 23–30 октября 2009 г. СПб, 2009. С. 12–14. (Bodrunova S.S. Ramochnaya kommunikativnaya situatsiya: kontsept i praktika / Chelovek. Priroda. Obshchestvo. Aktual'nye problemy: materialy 15-y mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh 23–30 oktyabrya 2009 g. Sankt-Peterburg, 2009. S. 12–14.)
 3. СМИ и политика: Учеб. пособие / под ред. Л.Л. Реснянской. М., 2007. С. 61–84. (SMI i politika: Ucheb. posobie / pod red. L.L. Resnyanskoy. Moskva, 2007. S. 61–84.)
 4. Бодрунова С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М., 2010. (Bodrunova S. Sovremennye strategii britanskoй politicheskoy kommunikatsii. Moskva, 2010.)
 5. Sartori G. Parties and Party Systems. Cambridge, 1976; Sartori G. Teoria dei partiti e caso italiano. Milano, 1982; Pasquino G. Il sistema politico italiano. Bologna, 2002; Hallin D.C.,

- Mancini P. Modelli di giornalismo. Roma; Bari, 2004; Cotta M., Verzichelli L. Il sistema politico italiano. Bologna, 2008.
6. Barbano F. *Sociologia della politica: concetti, metodi e campo di ricerca*. Milano, 1961; Galli G. Il bipartitismo imperfetto: Comunisti e democristiani in Italia. Bologna, 1966.
 7. Бодрунова С. Современные стратегии британской политической коммуникации; *Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А.С. Пую, С.С. Бодруновой*. СПб, 2013. (Bodrunova S. *Sovremennye strategii britanskoj politicheskoy kommunikatsii; Mediakratiya: sovremennye teorii i praktiki / pod red. A.S. Puyu, S.S. Bodrunovoy*. Sankt-Peterburg, 2013.)
 8. Bull M., Newel J. *Italian Politics: Adjustment Under Duress*. Cambridge, 2005.
 9. Бодрунова С.С. Современные масс-медиа Италии: кризис периодики и конфликт телеинтересов / Современная зарубежная журналистика: глокализация в практике западноевропейских СМИ: Учеб. пособие / под ред. А.С. Пую. СПб, 2010. С. 214–303. (Bodrunova S.S. *Sovremennye mass-media Italii: krizis periodiki i konflikt teleinteresov / Sovremennaya zarubezhnaya zhurnalistika: globalizatsiya v praktike zapadnoevropeyskikh SMI: Ucheb. posobie / pod red. A.S. Puyu*. Sankt-Peterburg, 2010. S. 214–303.)
 10. Dahl R. A. Procedural Democracy / *Philosophy, Politics and Society / ed. by P. Laslett, J. Fishkin*. Oxford, 1979. P. 97–133.
 11. Бодрунова С. *Медиакратия: современные теории и практики*. Глава 3. (Bodrunova S. *Mediakratiya: sovremennye teorii i praktiki*. Glava 3.)
 12. Там же. (Tam zhe.)
 13. Говорун К. Ежедневная газетная пресса Сицилии в истории и сегодня / Мировые тенденции медиасферы – 2011: сб. статей по итогам регулярного научно-практического семинара «День науки» / под ред. С.С. Бодруновой. СПб, 2012. С. 135–151. (Govorun K. *Ezhednevnyaya gazetnaya pressa Sitsilii v istorii i segodnya / Mirovye tendentsii mediasfery – 2011: sb. statey po itogam regul'yarnogo nauchno-prakticheskogo seminar'a «Den' nauki» / pod red. S.S. Bodrunovoy*. Sankt-Peterburg, 2012. S. 135–151.)
 14. Esser F., Pfetsch B. Meeting the challenges of global communication and political integration / *Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges / ed. by F. Esser, B. Pfetsch*. Cambridge, 2004. P. 387.
 15. Mazzoleni G. *La comunicazione politica / nuova ed.* Bologna, 2006. P. 22, 26.
 16. *Comparative Politics Today: A World View / ed. by G.A. Almond, G.B. Powell, K. Strom, R.J. Dalton / Updated 7th ed.* New York, 2003; Blumler J.G., Gurevitch M. *State of the Art of Comparative Political Communication Research: Poised for Maturity? / Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges / ed. by F. Esser, B. Pfetsch*. Cambridge, 2004. P. 325–343; Pfetsch B. *From Political Culture to Political Communications Culture: A Theoretical Approach to Comparative Analysis / Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges / ed. by F. Esser, B. Pfetsch*. Cambridge, 2004. P. 344–366.